

Францишекъ Новицкій и его поэзія.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Когда въ польской поэзіи впервые зазвучали сонеты Новицкаго, полные юношескаго задора, энергичные по настроенію, словно высѣченные изъ гранита, и красивые по формѣ, въ поэтѣ многіе увидѣли настоящаго «обновителя» — и ошиблись, потому что скоро онъ пересталъ писать. Но оставшіеся «послѣ него» два томика стиховъ рисуютъ образъ Новицкаго въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ, и критики до сихъ поръ не скуны на похвалы, хотя вотъ уже 15 лѣтъ какъ Новицкій «умеръ» для польской поэзіи, упорно молчитъ. Они признаютъ въ немъ пониманіе прекраснаго, духовное богатство, любовь къ народу и ту грусть, которая никогда не покидаетъ поэта. «Исполнѣнь, бѣдный народъ моей земли» сопровождаетъ Новицкаго всюду — и въ грезахъ, и на балу. Порой въ его пѣснѣ звучитъ любовная нота; но когда балерина шепчетъ ему: «Ты мой», въ то же время до него доносится голосъ черни, который также кричитъ: «Ты мой». Если это фигуральное опредѣленіе его поэзіи, принадлежащее В. Фельдману, далеко не удачно характеризуетъ всего Новицкаго, то оно удачно для опредѣленія того мѣста, которое поэтъ занималъ среди своихъ товарищей въ поэтической «Молодой Польшѣ». Во всякомъ случаѣ, Новицкій признанъ одной изъ первыхъ величинъ, и принадлежащее ему мѣсто въ польской литературѣ до сихъ поръ не занято цѣликомъ кѣмъ-нибудь другимъ, хотя, повторяемъ, онъ давно пересталъ писать.

Францишекъ-Генрыкъ Новицкій родился 29-го января 1864 года въ Краковѣ и началъ печататься, когда ему было 18 лѣтъ. Въ теченіе девяти лѣтъ его стихи и проза выходили то въ журналахъ «Biesiada Literacka» — въ началѣ 80-хъ годовъ, «Kłosy» (1886), «Swit» (1888) и др., то отдѣльными изданіями самого автора во Львовѣ. Физиономія Новицкаго-поэта уже опредѣлилась, когда въ концѣ 80-хъ годовъ въ Краковѣ группа молодежи объединилась для борьбы «за народныя идеалы». Для Галиціи это дѣло было относительной новостью, хотя такое же теченіе въ поэзіи царства Польскаго существовало значительно раньше. Молодые поэты нашли пріютъ въ журналѣ «Ognisko» и въ Академической читальнѣ. Главой и душой кружка сдѣлался Новицкій, который близко узналъ и полюбилъ народъ въ живописныхъ и суровыхъ Татрахъ. Кружокъ носилъ боевой характеръ и не пользовался популярностью; члены уходили другъ за

другомъ; новыхъ силъ прибывало мало, и самъ Новицкій, оставляя кружокъ, оставилъ и писательство. Съ 1891 года, когда вышли «Роезуе» Новицкаго, онъ замолкъ совершенно, служить учителемъ въ гимназіи въ Тарновѣ, и только критическіе обзоры новѣйшей польской литературы напоминали читателямъ имя талантливаго представителя «молодой Польши». Въ прошломъ году вышло второе изданіе сборника стихотвореній, «Pięsn czasu», съ предисловіемъ не самого автора, а молодого критика Т. Пини. Сборникъ вызвалъ восторженную статью Яна Стена въ журналѣ «Krytyka» (1905, II, 151—153), и видно было, что дарованіе Новицкаго уже не существуетъ въ прежней силѣ, быть можетъ, даже совершенно заглохло.

Не касаясь размѣровъ этого дарованія, мы думаемъ, что благопріятные отзывы о Новицкомъ разныхъ критиковъ объясняются еще тѣмъ, что Новицкій вообще писалъ немного; что все написанное имъ носитъ печать продуманности, эlegantности, силы и отдѣлки; наконецъ, что въ свои сборники стихотвореній онъ вносилъ только лучшее, не гоняясь за количествомъ. Изъ общихъ характеристикъ Новицкаго-поэта приведемъ слѣдующія. Одни критики считаютъ Новицкаго предвозвѣстникомъ обновленія поэзіи и возврата ея къ романтизму, такъ какъ его поэзія произвела большое впечатлѣніе и внесла какъ разъ то, чего недоставало его предшественникамъ, именно свѣжее и бодрое чувство, высокой юношеской энтузіазмъ безъ пессимизма. Правда, сама юность, казалось была пламенемъ изъ его «Стихотвореній»; но она осталась собственно только зарей (Т. Грабовскій). Другіе находятъ, что Новицкій — талантливый поэтъ, который стоялъ во главѣ молодого поколѣнія, выступившаго противъ позитивизма. Лучшія его пѣсни: «Мы» («My»), «Апоѳеозъ» («Apoteoza»), «На новолуніи» («Na nowoluniu»), «Спартакъ» («Spartakus»), «Что намъ можно» («Co nam wolno»), «Нищій» («Zebrak») и др. Форма у него мало обработана, но поэтического полета достаточно (П. Хмѣлевскій). У Новицкаго великолѣпны описанія природы, но въ его многочисленныхъ «путешествіяхъ» его всегда сопровождаютъ собственные страданія, которыя не покидаютъ поэта даже среди простора горъ. Онъ и здѣсь не забываетъ объ обществѣ, не жалѣетъ словъ мощныхъ и громкихъ, импонируя на читателя силой своихъ выраженій. На немъ воспиталось цѣлое поколѣніе поэтовъ и пейзажистовъ, — и Новицкій стоитъ во главѣ такъ называемой «татранской» поэтической школы, которая представляетъ аналогію извѣстнымъ школамъ украинской и литовской (А. Брюкнеръ).

Болѣе подробные разборы стихотвореній Новицкаго принадлежатъ Т. Пини («Nasza wspolczesna poezya», Львовъ, 1902, 119—196), Е. Борецкому («Promien», 1902, I, 14—18) и другимъ критикамъ.

I.

«Татры» (1886) создали славу Новицкому, и очеркъ о его творествѣ мы начнемъ съ этого именно сборника. Суровые и живописные отроги Карпатъ привлекали вниманіе многихъ польскихъ поэтовъ и раньше, начиная съ Гоцинскаго («Sobotka»). Затѣмъ ими вдохновлялись Асныкъ («W Tatrach») и Конопницкая («W gogach»); но все это были отдѣльныя картины. Созданный же Новицкимъ цѣлый татранскій циклъ,

возбудилъ цѣлый родъ талантливыхъ, а иногда и болѣе сильныхъ подражаній у Тетмайера, Рыделя, Оркана, Каспровича и другихъ представителей польскихъ поэтовъ младшаго поколѣнія.

Критика встрѣтила сборникъ стихотвореній Новицкаго на татранскіе мотивы болѣе чѣмъ сочувственно, а Т. Пини до того не поскупился на похвалы, что назвалъ ихъ однимъ изъ лучшихъ и прекраснѣйшихъ произведеній въ этомъ родѣ, которыя произвела польская поэзія послѣ 1863 года. Главная отличительная черта Новицкаго въ описаніяхъ Татръ, по его мнѣнію, — объективность, такъ какъ поэтъ никогда не становится рабомъ своего чувства, не позволяетъ ему прикрыть собой описываемый имъ видъ или художественный образъ; между тѣмъ какъ остальные поэты, напримѣръ, Асныкъ, Конопницкая, Тетмайеръ, Каспровичъ и другіе, проводятъ или философскій взглядъ на отношеніе человѣка къ природѣ, или аллегорическое изображеніе какого-нибудь общественнаго явленія, имѣющаго только случайное соприкосновеніе съ горами. Иногда пейзажъ служитъ имъ только фономъ, и поэты изливаютъ свою тоску, идущую вслѣдъ за ними въ горы; иногда они взбираются на горы только за тѣмъ, чтобы еще съ большей высоты взглянуть на толпу. Вторая отличительная черта Новицкаго — это его дивная сила, какая-то юношеская удаля, правда, часто ведущая его къ преувеличенію, но всегда производящая сильное впечатлѣніе. Напримѣръ, и у Асныка, и у Новицкаго есть описаніе Сиклавы; но разница громадная. Что Асныкъ называетъ «скромнымъ потокомъ», «бѣлой нитью», «паутиной сѣтью водъ», то Новицкій представляетъ «рѣкою снѣга», «лавиною пѣнь»; что одному кажется «тихимъ напѣвомъ», въ томъ другой слышитъ «грохотъ громовыхъ ударовъ», «отчаянный вой». Правда реальная, конечно, на сторонѣ Асныка; описаніе же Новицкаго можно было бы скорѣе отнести къ Ніагарѣ, чѣмъ къ скромной Сиклавѣ; но, несмотря на это, образъ Новицкаго въ общемъ вѣрнѣе и производитъ болѣе сильное впечатлѣніе.

Всѣмъ, что отличаетъ произведенія Новицкаго отъ произведеній Асныка и другихъ современныхъ поэтовъ, онъ обязанъ, какъ думаютъ критики, глубокому проникновенію «Крымскими сонетами» Мицкевича, который также преувеличивалъ при описаніи красотъ Крыма. А. Брюкнеръ видитъ сходство между обоими поэтами не въ одномъ преувеличеніи картинъ природы и впечатлѣній отъ нихъ, а въ томъ еще, что и Мицкевичъ, и Новицкій переплетали эти картины вмѣстѣ съ своими чувствами и мыслями. Эту же черту отмѣчаетъ и Т. Пини, по наблюденіямъ котораго, сходство ограничивается не только этимъ. Мицкевичъ первый въ сонетахъ далъ чудное соединеніе описаній природы со «взрывами» своей тоски, и всѣ эти образы соединяетъ не только ихъ естественная послѣдовательность въ пространствѣ и времени, но также логическое развитіе чувствъ и мыслей поэта. Тѣ же черты ясно выступаютъ и въ «Татрахъ», въ особенности въ первой ихъ части, въ «Картинахъ пустыни». Есть сходство даже въ построеніи сонетовъ. Примѣромъ можетъ служить конецъ того же описанія Сиклавы у Новицкаго и окончаніе картины «Тишины морской» у Мицкевича. И всетаки, несмотря на всю аналогію, «Татры» Новицкаго — не подражаніе. Молодой поэтъ вложилъ въ это произведеніе столько своей горячей, впечатлительной души, столько истиннаго таланта, что при всѣхъ заимствованіяхъ въ формѣ онъ создалъ вполне оригинальное произведеніе.

То же самое почти говоритъ и Т. Грабовскій, именно, что Татранскій циклъ, безъ сомнѣнія, появился подъ вліяніемъ Мицкевича; пластика образовъ сливалась съ лирическимъ настроеніемъ, и одинъ сонетъ за другимъ указывали міръ горцевъ все яснѣе и суровѣе. Жизнь дрожить и льется черезъ край въ этихъ опасностяхъ, рефлексивно заключеніе автора мѣшаетъ цѣлому, — и читатель невольно поддается впечатлѣнію, вызванному чувственной формой описаній. Наконецъ, Янъ Стенъ формулируетъ мысль о томъ же сходствѣ въ нѣсколько иной формѣ и останавливается на двухъ удачныхъ примѣрахъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что въ поэзіи Новицкаго замѣтно сильное вліяніе Мицкевича, критикъ говоритъ, что тонъ его стиховъ, образность, звукъ и строеніе словъ, прозрачность и выпуклость содержанія, простота—все это легко замѣтить на немногихъ страницахъ. Но сходство этихъ двухъ столь различныхъ по силѣ своего полета духовъ нисколько не носитъ слѣдовъ подражанія. Много общаго между двумя поэтами мы находимъ, на примѣръ, въ тѣхъ сонетахъ, гдѣ Новицкій привѣтствуетъ «великій, словно сны молодости, морозный снѣговой край; гдѣ царь грозы, пламенный ураганъ, блуждаетъ въ одеждѣ мрака; гдѣ висятъ гдѣзда орловъ, громовъ и потоковъ; гдѣ владыка міра въ облакахъ имѣетъ свой гранитный тронъ» («Tatry»). Тотъ же мицкевичевскій тонъ звучитъ и въ прекрасномъ «Сизифѣ» Новицкаго, этомъ символѣ народа: «О бѣдный, хамъ! Укрывай слезы подъ вѣками, двигай свою скалу и топчи эти горы, пока онѣ не расплывутся въ равнины вмѣстѣ съ потомъ твоимъ. Тогда праотецъ историческихъ событій и культуры, народы увлекутъ твою скалу въ Пантеонъ, а память твою облекутъ въ мраморъ» («Syzuf»).

Для иллюстраціи обычной техники Новицкаго приведемъ слѣдующую картину, въ которой поэтъ, вѣрный своей обычной манерѣ описанія природы, удачно переходитъ отъ пластичныхъ, словно въ народномъ эпосѣ, образовъ къ лирикѣ и обратно. «Я сталъ на рубежѣ... міръ чудесъ передо мной! Я вперяю въ него изумленные взоры, удивленіе сдавливаетъ душу... Внизу—чернѣютъ пруды, какъ глаза павлиньихъ перьевъ. Вверху—пѣснь... но созданная надземною мыслью. Пѣснь, гудами гранитовъ писанная,—передо мной. Окаменѣлый сонъ Создателя—гордый сонъ, плѣнительный. Тамъ къ краямъ пустыни спускается звѣзда дня. Горятъ вершины. Тамъ изъ глубины встаетъ вечеръ въ темнотѣ. Я усѣлся—тишина въ горахъ—глаза прудовъ дремлютъ. Всмотриваясь въ Татры, въ руны предвѣчной загадки, хотѣлъ бы я заглянуть въ исполинскія мысли. Вѣтеръ-разсказчикъ мягкимъ пальцемъ трогаетъ струну мечтаній. Медленно уходятъ изъ сердца остатки горечи. О, тамъ сидѣть бы, и слушать, и мечтать безъ конца».

Новицкій живо чувствуетъ жизнь природы, и въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, на примѣръ, въ «Пихтѣ», все время скрываетъ самого себя за отдѣльными картинами, даетъ полные лиризма образы. Судьба бросила ее на скалу, безчувственную и гордую, среди древнихъ кургановъ, среди горныхъ обломковъ. Четверть вѣка эта пихта вела отчаянный бой за свое суровое бытіе, среди снѣговъ, грозъ и громовъ. Титаны горъ глядятъ на него съ каменнымъ презрѣніемъ: онъ, юноша, живая пылинка, атомъ атомовъ, хочетъ возбуждать жизнь среди ихъ мертвыхъ громадь, къ солнцу стремится головой—молодой, тоскующей, гордой! Напрасно холодный камень прячетъ въ корни свои плечи, и молодая пихта

цѣпляется съ отчаяніемъ за скалы,—гнѣвные горы бросили на него ураганъ водъ изъ нѣдръ своихъ. Бой остервенѣлый, но короткій, съ пастью бѣшеной воды... Треснула пихта.. упала... вспѣненная волна сметаетъ ее.. И опять дремлетъ пустой некрополь природы» («Swierk»).

II.

Такихъ картинъ, всегда красивыхъ и полныхъ смысла, можно привести не одинъ десятокъ. И замѣчательно, что при внимательномъ знакомствѣ со всѣмъ сборникомъ «Татръ» въ немъ нетрудно уловить руководящую мысль, по опредѣленію Т. Пини, «соединяющую артистическія впечатлѣнія автора съ важными вопросами народной и общественной жизни». Критикъ улавливаетъ въ сборникѣ то сильное чувство автора, которое соединяетъ въ одно цѣлое отдѣльные образы и придаетъ имъ большую цѣнность. Напримѣръ, въ слѣдующемъ стихотвореніи у Новицкаго съ особой силой и пластикой начерченъ образъ горной цѣпи Татръ: «Вдали... какъ бы идущая лавой граненая рать со звѣздами на шишакахъ, со знаменами облаковъ,—окаменѣла, дойдя до скатовъ неба... Татры... почему же, какъ птицы, ищущія жилища, мысли мои летятъ къ вашей замерзшей пустынѣ сквозь туманъ тоски и путь грезъ? О, пустыня Татръ!.. Потому, что на этомъ пространствѣ всего моего отечества—о святыня скалъ!—въ тебѣ одной есть еще алтари свободы» («Sonet wstyhny»).

«Ясно,—говоритъ критикъ,—что авторъ говоритъ не о политической свободѣ, потому что политическое положеніе въ Татрахъ такое же, какъ и во всемъ остальномъ польскомъ краѣ. Онъ говоритъ о бѣдномъ, обездоленномъ народѣ, о голодныхъ и холодныхъ, которымъ онъ хотѣлъ помочь всей силой своего горячаго чувства; хотѣлъ ускорить приближеніе дня, когда онъ «путь съ рукъ и мысли сбросить». Но надежды его обманули; его силы слишкомъ слабы, а общество относится такъ равнодушно! Поэтому онъ хочетъ избавиться отъ удручающаго зрѣлища и бѣжитъ туда, гдѣ только и остались «алтари свободы»,—въ безлюдные обрывы Татръ. Но онъ не можетъ найти забвенія, и страданія сопровождаютъ его всюду. «Вдаль и вширь пробѣжалъ я Татры—она вездѣ у моего бока, я бѣжалъ по лѣсамъ, гаямъ и долинамъ, по мрачнымъ вершинамъ скалъ, по глубинамъ озеръ,—напрасно!.. Она всюду шла по моимъ слѣдамъ... Гдѣ градъ гальный шумѣлъ,—она шла, шла смѣло за мной! Въ тишинѣ пустыни, въ ревѣ бурь, въ ясный день въ темную ночь,—всюду бѣжала она за мной, и напрасно скрывался я. Теперь опять возвращаюсь къ людямъ—она, моя боль, опять со мной»... («Towarzyszogoi podrozy»). И въ этой мертвой горной пустынѣ боль показывала ему отраженіе того зрѣлища, отъ котораго онъ бѣжалъ.

Продолжая группировать стихотворенія Новицкаго въ послѣдовательномъ порядкѣ теченія основной мысли, Т. Пини находитъ новую мысль поэта, именно, что и здѣсь, въ этой дикой пустынѣ, господствуетъ грубая сила, дѣлающая невозможнымъ всякое стремленіе къ свѣту, къ жизни. Но кромѣ этихъ гордыхъ елей, здѣсь есть цѣлые легіоны скромныхъ и спокойныхъ сосенокъ; и хотя горы заваливаютъ ихъ камнями и лавинами,—онѣ не уступаютъ: «Вы, громады гранита, обѣт-

ренныя колоссы, бросайте на насъ обломки, взбѣшенныя волны водъ, засыпайте снѣгами—мы идемъ стѣной на васъ медленно, но постоянно, не обращая вниманія на удары. Когда мы падемъ въ этомъ бою, низкая и подлая толпа—изъ нашего праха народятся ряды большихъ сыновъ, большіе лѣса и будутъ продолжать нашу борьбу. И корнями будутъ грызть тайники вашихъ нѣдръ и съ нашимъ лозунгомъ штурмовать ваши вершины, пока не погребутъ васъ, мертвые памятники прошлаго!». Но пока это все сбудется, въ жизни совершится не одна трагедія. Здѣсь слышенъ страшный крикъ орлицы, которая, возвращаясь съ кормомъ для птенчиковъ, находитъ свое гнѣздо разрушеннымъ молніей («Orlica»). Тамъ раздается жалостный стонъ дикой козы, попавшей въ силокъ, а вотъ человѣкъ рискуетъ жизнью, взбираясь на недоступныя скалы за цвѣткомъ, который блеститъ среди ущелья, какъ «замерзшая звѣзда». Онъ жизнью рискуетъ, чтобы получить жалкіе гроши. Между прочимъ, критикъ находитъ у Новицкаго только одинъ сонетъ, «Горныя эхо» («Echa gorskie»), гдѣ авторъ какъ будто теряетъ изъ глазъ свой обычный болѣе широкій горизонтъ, вспоминая только о себѣ, о «женщинѣ—глухой, какъ небеса», о которой онъ «не стоналъ, но вылъ». Замѣчательно, что этотъ отрывокъ звучитъ, какъ диссонансъ, какъ будто нарушая гармонию всего произведенія.

III.

Остается разсмотрѣть еще отношеніе Новицкаго къ польскому вопросу. Въ этой области онъ очень напоминаетъ Андрея Нѣмоевскаго, поскольку мысли послѣдняго выразились въ знаменитомъ «Листопадѣ». Новицкій описываетъ родъ сосны, растущей въ Карпатскихъ горахъ, и начинаетъ стихотвореніе вопросомъ: «Знаете ли вы таинственные голоса пустыни?». «Я шелъ,—говоритъ поэтъ,—черезъ пушу съ раздробленными соснами, взборожденную камнями горъ и снѣгомъ лавинъ, а сосны шумѣли, рассказывая о своей судьбѣ: «Вы, громады гранита, обвѣтренные колоссы, бросайте на насъ обломки, взбѣшенныя волны водъ» и т. д. («Kosodizew»). Самый рассказъ сосенъ о ихъ судьбѣ приведенъ выше,—и нетрудно догадаться, что рѣчь идетъ здѣсь о новомъ поколѣніи Польши, которая будетъ продолжать ту же борьбу, пока не похоронитъ «мертвые памятники прошлаго».

А пока—настоящее Польши рисуется ему въ мрачныхъ картинахъ, и въ стихотвореніи «Черный корабль» изъ цикла «Пѣсни времени» Новицкій даетъ такую балладу-аллегорію: «По морю жизни плывутъ вольные корабли народовъ; бѣлые паруса ихъ гордо свѣтятъ посреди омута; между ними—черный корабль, точно привидѣніе. Онъ блуждаетъ безъ руля, пустой, ограбленный, окровавленный... Команда спитъ въ каютахъ и забыла объ исправленіи; рулевые погибли среди смятенія битвъ. Корабли народовъ боятся этого чернаго корабля. Тѣнь кроваваго прошлаго страшитъ ихъ капитановъ. Онъ не тонетъ, а плыветъ, хоть и погибли рулевые. Кто же держитъ его, что онъ не исчезаетъ въ мокрой могилѣ? Тамъ, на днѣ—вмѣстѣ съ веслами скованные невольники... Ты, черное судно! Кто эти люди, которые на днѣ, которые руками своими задерживаютъ минуту гибели? О, я знаю, кто!.. Это—илоты моего народа...» («Czarny okret»).

Если же изъ молодого поколѣнія и находятся такіе «сыны горъ», которые рвутся въ бой,—все равно ихъ ожидаетъ гибель. Какъ вылетаетъ потокъ расплавившихся въ пещерѣ кристалловъ, дикій сынъ горъ, разрывая удила скалы—такъ и молодая мысль,—говоритъ Новицкій въ стихотвореніи «Дунаецъ»,—прежде чѣмъ поднять свои крылья къ полету, разбиваетъ грудь свою бурей своихъ собственныхъ порывовъ. И какъ летитъ онъ, вспѣнный, гордой силой безумія сквозь скалистые преграды и сѣти пронастей,—такъ и юноша, когда онъ гонится за обманчивыми картинами, не знаетъ препятствій на пути своихъ иделовъ. Куда ты летишь такъ, сынъ горъ? Зачѣмъ гоняешься ты, пока молодъ? Развѣ тебѣ такъ плохо у твоей материнской груди скаль? Ты не вернешься!.. Ты заблудишься тамъ въ болотѣ, не зная броду! Куда ты летишь, молодая мысль, по звѣздной дорогѣ? Воротами грезъ вылетаешь ты въ міръ дѣйствительности... Ты вернешься... ахъ, безъ перьевъ... тихая...—и воротами разочарованія... («Dupaјес»).

Замѣчательно, между прочимъ, что въ то время, какъ «Листопадъ» Нѣмовскаго не вызвалъ почти никакихъ нареканій со стороны польской критики,—совершенно подобныя же по идеѣ стихотворенія Новицкаго вызвали нѣсколько сдержанныхъ замѣчаній Т. Грабовскаго, который говоритъ, что если послѣднія звенья Татранскаго цикла уже болѣе вялы и болѣе элегичны, зато «Пѣсни времени» («Pіesni czasu») «отдають слишкомъ далеко зашедшей (?) политической трезвостью и оппортунизмомъ, обращеннымъ исключительно къ прошлому. Новицкій ратуетъ противъ позитивизма, противъ преждевременной старости духа, говоритъ именемъ народа, но любовь Новицкаго имѣетъ въ себѣ и ненависть—грозную и разрушающую то, противъ чего такъ прямолинейно не выступалъ ни одинъ изъ поэтовъ этого времени. Но взрывы его не производятъ впечатлѣнія поэзіи, это—только фразы, почерпнутыя изъ радикальныхъ журналовъ и разжигающія общественный антагонизмъ (?). Основой будущаго онъ считаетъ народъ, обладающій громадной физической силой. Въ этихъ идеяхъ больше юношескаго пылу, чѣмъ твердыхъ убѣжденій». Съ другой стороны, велика и заслуга Новицкаго, такъ какъ онъ внесъ энергію въ польскую поэзію, изнѣженную и анемичную. Онъ былъ мраченъ, какъ и другіе,—и всю эту тревогу и эти тѣни можно видѣть въ «Спартакъ». По мнѣнію Грабовскаго, задача поэзіи бросать громы на мелочность духа и охлажденіе сердца, но не обобщать этихъ пороковъ, не затемнять свѣтлыхъ сторонъ, не обливать сарказмомъ всего святого, чтимаго милліонами. Если искра любви была въ поэтѣ, онъ долженъ былъ, по мнѣнію критика, ее разжечь и удѣлить другимъ, какъ Конопницкая. Онъ долженъ встряхнуть образами былыхъ упущеній и заблужденій, но не играть въ патетическіе восклицательные знаки, пробуждающіе какое-то неприятное чувство; онъ долженъ былъ дѣйствовать примирительно и, какъ поэтъ общественный, быть истиннымъ альтруистомъ.

IV.

Какъ мы упоминали въ началѣ нашего очерка, въ поэтической дѣятельности Новицкаго былъ долгій перерывъ. Выходъ второго изданія

«Пѣсенъ времени» снова заставилъ заговорить о немъ польскую критику, и восторженный отзывъ Яна Стена явился вполне кстати.

Критикъ смотритъ на томикъ «Piesni czasu», какъ на «надгробный памятникъ поэта», какъ на долгъ чести, отданный покойному его почитателями, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на вѣрное свидѣтельство того, что «творческой и пламенный духъ его исчерпанъ, погибъ и никогда уже не воскреснетъ». И на-ряду съ такой печальной для живого еще поэта эпитафией, Стенъ превозноситъ «бывшаго» Новицкаго, поэзія котораго напоминаетъ «разсвѣтъ послѣ душной, жаркой, тихой и безпокойной ночи. Есть въ ней утренняя свѣжесть, холодный свѣжій вѣтеръ, блѣдно-зеленый свѣтъ, полный искрящихся стрѣлъ; острый блескъ, въ которомъ все кристаллизуется. Міръ выступаетъ въ ней изъ мрака; утрення заря краситъ ему зубчатая вершины, борясь съ тѣнями, путающимися у ногъ, а по временамъ пышетъ жаромъ знойныхъ сновъ, воспоминаніемъ о мученіяхъ, палящихъ, какъ наслажденіе. У ногъ этой поэзіи лежитъ море темноты, изъ нея она и расцвѣтаетъ. Сердце молодого поэта—горячее и гнѣвное—жадно пило ядъ воспоминаній о прежней славѣ, могуществѣ; онъ мечталъ о солнцѣ дня живого, о «зарѣ свободы», жаждалъ живого дѣла. Онъ поетъ:

«О, хотѣлъ бы я вернуться, какъ вождь арміи солнца, въ городъ мертвецовъ и живыхъ камней, гдѣ раса карликовъ, эта гибнущая раса, управляетъ великимъ народомъ—скипетромъ тѣней. О, я хотѣлъ бы влить въ свои руки силы титана и дать имъ сраженіе, о которомъ исторія пѣла бы въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, и размозжить ихъ на курганѣ будущаго! И среди свободныхъ окриковъ тысячной массы тащить ихъ трупы за колесницей солнца!..».

«Здѣсь звучитъ страшный протестъ противъ страшнаго призрака историческихъ событій, страстная жажда жизни, дѣла, — говоритъ Стенъ.—Жажда эта скристаллизовалась въ Новицкомъ въ опредѣленную форму—въ любовь къ народу. Его вдохновеніе срослось съ той юношеской мечтой, что новое искусство и новая жизнь—это только двѣ стороны одного и того же явленія; что борьба народа должна начинаться пѣсней и жаждетъ пѣсни. Призракъ лопнулъ—поэзія Новицкаго умолкла. Поэзія Новицкаго—это пережитый сонъ молодости; это былъ сонъ прекрасный, благородный и краткій, и таковой осталась его поэзія—прекрасная, благородная и краткая. Въ годы возмужалости Новицкій пересталъ творить, о немъ забыли; но поэзія его остается все-таки самымъ цѣннымъ воспоминаніемъ одного мгновенія—мгновенія разсвѣта истинной, великой «молодой Польши».

«Молодая Польша» должна цѣнить сошедшаго теперь со сцены Новицкаго еще потому, что онъ свято вѣритъ и всегда вѣрилъ въ побѣду «молодого». И эта вѣра въ немъ теплилась даже въ моментъ отчаянія, когда на вопросъ: «Что же вамъ осталось?», онъ долженъ былъ съ грустью отвѣтить: «Развалины, обломки, полное безвѣріе, даже отсутствіе вѣры въ самое безвѣріе; пустая жизнь безъ цѣли» и т. д. Далѣе онъ жалуется на то, что непризнающая ничего, кромѣ силы разума, молодежь вѣритъ только въ звѣзду золота: «А если иногда среди сѣраго гнѣзда выйдетъ рой птенцовъ-орлятъ, а потомъ, почувствовавъ перья на концахъ своихъ крыльевъ, они захотятъ взлетѣть при блескѣ утренней зари,—то крылья орлятъ залѣпляли грязью, чтобы они не могли

ихъ поднять къ звѣздамъ и солнцу». Новицкій жалуется еще на то, «что двадцатилѣтнія сердца» уже стары, холодны, ни во что не вѣрятъ, что жизнь предъ ними пуста, безцѣльна («Артеоза»).

Многія мѣста его «Артеоза» — красивое повтореніе извѣстныхъ строкъ Лермонтовской «Думы». Но дальше онъ находитъ въ молодежи и хорошую сторону. А въ сущности подъ пепломъ есть у нихъ искра, которую стоитъ только раздуть, чтобъ она вспыхнула жертвеннымъ пламенемъ. И если прежнія цѣли, воспѣваемые романтиками, померкли, — то появились новыя: сельскій и городской народъ, рабочіе, вообще бѣдный людъ, ожидающій болѣе яснаго «завтра»; а поэтъ думаетъ, что это «завтра» непременно придетъ. Въ стихотвореніи «Мы» («Му») онъ предсказываетъ эту побѣду молодежи: «Гонимые злой долей толпы, мы бѣжимъ къ зарѣ въ далекомъ туманѣ. Чѣмъ удержать насъ мечтаете вы? Щитомъ эгоизма, призракомъ силы? Вы устраиваете преграды изъ кургановъ, чтобы задержать приходъ солнца правды; но помните, что мы молоды, а ваши пережившіе виски убѣляютъ снѣгъ. Разсвѣтъ долженъ блеснуть! Мы доживемъ до него, потому что «завтра» — наше, потому что мы — молоды! Ночь должна поблѣднѣть, а старики мрутъ... вы должны сказать Tuimus» (т. е. «мы были»).

Приведенное стихотвореніе такъ напоминаетъ извѣстный «Манифестъ» Александра Свентоховскаго отъ лица молодой прогрессивной партіи въ Польшѣ («Му і уу»), что, намъ кажется, отчасти правъ Т. Грабовскій, видящій въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Новицкаго не болѣе, какъ риторическія передовыя статьи.

Въ заключеніе приведемъ слова Т. Пини о техникахъ Новицкаго, которую признаютъ высокой и другіе критики. Новицкій, по его мнѣнію, счастливо сумѣлъ избѣжать монотонности. «У него есть цѣлый рядъ сонетовъ, въ которыхъ никакая иллюзія не мутитъ описанія природы; гдѣ читатель можетъ забыть о чувствѣ, сопровождающемъ поэта въ его странствованіи по Татрамъ, а думать только о Татрахъ. Напримѣръ, описаніе «Замерзшаго пруда подъ Завратомъ» («Zmarzły staw pod Zawatem»). Въ этомъ сонетѣ — огромная пластика и такія смѣлыя метафоры, какъ «замороженный адъ», «черти, замерзшіе рядами скалъ» и т. п. Кромѣ того, поэтъ не повторяется. Несмотря на однообразіе мотивовъ, онъ находитъ все новыя точки зрѣнія и такимъ образомъ придаетъ своимъ описаніямъ много разнообразія. Напримѣръ, если сравнить описаніе двухъ «замерзшихъ прудовъ» — подъ Завратомъ и подъ Гардухомъ, или сравнить съ ними сонетъ подъ заглавіемъ «Rysy» («Очертанія»). Въ первомъ описаніи Новицкій представляетъ видъ съ Заврата такимъ, какимъ онъ его наблюдаетъ; во второмъ же онъ создаетъ то, что есть, представляя глазамъ читателя разныя фазы его происхожденія. Въ каждомъ изъ этихъ описаній — представленіе разное, но одинаково вѣрное и пластичное. А какая въ нихъ крѣпость и сила выраженія, напримѣръ, когда поэтъ рисуетъ простирающійся передъ нимъ видъ, какъ «окаменѣлый, гордый и чудный сонъ Творца»; или же представляетъ ловкость и быстроту дикихъ козъ при помощи одного вопроса, одного только сравненія: «Тамъ дальше... орлы? Нѣтъ — козы».

Къ этому прибавимъ еще ту черту, о которой мы вскользь замѣтили во второй главѣ нашего очерка, именно — глубокое пониманіе Но-

вицки мѣ всѣхъ «тайнъ» природы, даже такихъ ея мертвенно-застывшихъ явленій, какъ мѣсяцъ, это типичное «солнце покойниковъ», этотъ «мучитель сильно чувствующихъ душъ». Къ пониманію рефлексивному мы прибавили бы еще любовное отношеніе поэта къ природѣ, какъ стихіи живой—или теперь, или въ прошломъ: для него вѣдь это совершенно безразлично. Описывая глубокое горное озеро «Морское око», Новицкій останавливается на мѣсяцѣ. «Чудное, печальное и задумчивое лицо мѣсяца пристально всматривается въ воды озера, затянутыя мглой, и съ каждымъ мгновеніемъ становится блѣднѣе. Подъ утро вѣдь оно исчезнетъ? Быть можетъ, когда-нибудь мѣсяцъ — молодой и пламенный — любилъ землю и смотрѣлъ въ ея прекрасныя зеницы... И испытавъ измѣну земли съ солнцемъ, онъ убѣждалъ до дневного свѣта... Но трудно ему совсѣмъ позабыть молодость своей возлюбленной. Вѣчно поворачивается къ ней онъ — погасшій, бессонный и блѣдный — смотритъ онъ на нее, словно прячется въ обманчивую мглу» («Morskie Oko»).

А любя и понимая природу, а также все то, что близко къ ней, Новицкій, естественно, смотритъ на вмѣшательство въ ея жизнь человѣка отрицательно. Въ этомъ отношеніи характерно его небольшое стихотвореніе «Дикая коза» изъ цикла «Трагедіи пустыни». Станный голосъ боли, страха, зловѣщаго отчаянія бѣжитъ по развалинамъ скалъ, по разрушенному міру... Эта дикая коза въ желѣзныхъ объятіяхъ оковъ двигаетъ скалы стопами тревоги, предвѣщающей смерть. Вольная дочь горъ глядитъ мутными глазами плѣнницы на цѣпь на своей ногѣ, глядитъ безъ проблеска надежды, — и странныя жалобы, человѣческія, шлетъ она къ обрывамъ скалъ. Кажется, что это—лебединая пѣсня о дорогой свободѣ. Тамъ, по ущельямъ, гдѣ-то бѣжитъ родное стадо... Тамъ вѣтеръ нашептываетъ гальвную пѣсню ея свободнымъ сестрамъ... Тамъ ея малютки... безъ груди матери... тоскуютъ о ней... Что-то гремитъ въ скалахъ!... Это стадо... пусть остановится... пусть обождетъ!.. Вдругъ она дрогнула—глаза ея покрываются туманомъ смерти... Тамъ... — грозно высовывается изъ ущелья тѣнь человѣка...» («Kozica»).

Такимъ представляется намъ польскій поэтъ, который не пожелалъ пережить свою славу и, подаривъ родную литературу рядомъ прекрасныхъ твореній, добровольно оставилъ поэтическое поприще болѣе молодымъ силамъ.

А. И. Яцимирскій.